

Джаламова Ж.Б.,
Джолдасбекова Б.У.

**Михаил Пришвин:
философско-
мировоззренческие аспекты
творчества**

Dzhalamova Zh.,
Joldasbekova B.

**Mikhail Prishvin: philosophic
and world-outlook aspects of
creative activity**

Джаламова Ж.Б.,
Жолдасбекова Б.Ә.

**Михаил Пришвин:
шығармашылығының
философиялық-
дүниетанымдық аспектісі**

В статье уточняется понятие «философской прозы» как особого жанра литературы. Показано, что хотя Пришвин не написал ни одного чисто философского трактата, его Дневник и художественные произведения насыщены размышлениями над подлинно философскими вопросами – это темы миропонимания, антропологии, этики и эстетики, экологическая проблематика советского мироустройства. Приведены примеры философско-мировоззренческого диалога писателя с рядом выдающихся отечественных и зарубежных мыслителей.

Ключевые слова: философия, культура, философская проза, художественный мир писателя, философское осмысление искусства и действительности.

In the article the notion of «philosophic prose» as a special genre of literature is elaborated. The article shows that though Prishvin had not written a single purely philosophic treatise, his Diary and his fiction are satiated with meditation on really philosophic questions – these are the themes of historiosophy, anthropology, ethics and aesthetics, ecological problems of the Soviet world system. Examples of the philosophic-world-outlook dialogue of the writer with a number of outstanding native and foreign thinkers are given.

Key words: philosophy, culture, philosophical prose, the writers artistic world, world outlook, philosophical comprehension and reality.

Мақалада «философиялық проза» ұғымына әдебиеттің бір ерекше жанры ретінде түсінік беріледі. Пришвин өз шығармашылығын да еш бір нақты философиялық трактат жазбаса да, оның күнделігі мен көркем шығармаларында философиялық мәселелер тұрғысында, яғни дүниетаным, антропология, әдеп және эстетика, кеңестік құрылымның экологиялық мәселелері тақырыбында қозғалған ойлары көрініс табады. Жазушының отандық және әлемдік ойшылдармен жүргізген философиялық-дүниетанымдық диалогтарынан мысалдар беріледі.

Түйін сөздер: философия, мәдениет, философиялық проза, жазушының көркемдік әлемі, өнер мен шынайы өмірді философиялық тұрғыдан қарастыру.

**МИХАИЛ ПРИШВИН:
ФИЛОСОФСКО-
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА**

Художественный мир Михаила Михайловича Пришвина – уникальное явление в русской литературе, представляющее устойчивый интерес для современного читателя. В творчестве писателя разворачивается многоаспектный образ мира, раскрывающий сложную систему взаимоотношений человека и Космоса, человека и природы, человека и языка. Творчество его принадлежит тому направлению отечественной литературы, признаком которой выступает органическое родство с философско-мировоззренческими идеями своего времени. И наследие писателя свидетельствует, что ему в полной мере присущи все те качества и черты, которые характеризуют классическую русскую словесность.

Философичность искусства писателя подчеркивается почти всеми как дореволюционными, так советскими и постсоветскими пришвиноведами. Еще в 1911 году Р.В. Иванов-Разумник, один из самых проникательных литературных критиков своего времени, отмечал, что мысль начинающего писателя идет «от глубины тайников души человеческой... от индивидуального к универсальному, от личности к космосу, но все же нужна и ценна автору живая душа человеческая, нужна индивидуальность живого существа» [1, 52]. И через полвека Т.Ю. Хмельницкая, автор первой монографии о Пришвине, заключала: «Он... никогда не ограничивается изображением увиденного. Он всегда философски осмысляет изображаемое. Это не абстрактная, умозрительная философия, а всегда очень внутренняя, со всей психологической неповторимостью его писательской индивидуальности» [2, 14]. Но хотя о философском характере творчества Пришвина говорили многие исследователи, постижение этого аспекта его наследия зачастую лишь декларировалось, осуществляясь преимущественно с позиций односторонних методологических парадигм: фольклорно-сказочной, природно-этнографической, соцреалистической, вульгарно-социологической, мифологической, религиозной и т.п., что неизбежно вело к искажению философско-мировоззренческой позиции автора. Действительно, Пришвин не выработал целостной философской системы, да и не ставил перед собой такой задачи. Однако он оставил после себя много томный *Дневник*, который вел полвека, своего рода «Опавшие

листья» большевистской эпохи, экзистенциальный текст бытия и жития творческой личности в трагичной истории советского общества, уникальный образец философской прозы XX века, к которой по праву относится и целый ряд его художественных произведений. Но чтобы определить, в чем же именно выражается философичность пришевского творчества, необходимо уточнить значение концепта «философская проза». Духовная культура России начала XX века характеризовалась антиномичностью, пересечением старого и нового. Поляризующие тенденции принимали крайние формы. Предельность, максимализм характеризовали эпоху начала XX века. Атмосфера в России в начале XX века – это атмосфера кризиса, мятелей, невиданных перемен. Предчувствие социальных катастроф, апокалипсические ожидания способствовали созданию особого типа мировоззрения. Философской проза – это система словесной коммуникации, система смыслов, «сцена истории», «игра мира»; целый мир, внутренний и внешний, поданный через сознание автора и героя. Это модель, структура, которая включает в себя мировоззрение автора, сюжет, характеры, общую атмосферу эпохи, ее идеи, нравы, чувства. Русская философская проза начала XX века обладала глубоким моральным пафосом. В центре внимания авторов философской прозы всегда была духовная сторона бытия личности. Философская проза являлась способом прогнозирования, духовно-художественного предвидения новых фаз развития культуры.

По нашему мнению, для философской прозы как особого жанра литературы характерен ряд конкретных признаков. Главное – это постановка тех проблем бытия, которые являются философскими (например, кантовские: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?»), на которые автор дает ответ, художественно постигая мир с помощью имеющихся знаний, интуиции или анализа собственного экзистенциального опыта. Художественный гений в таком случае может позволить автору (как, например, Ф.М. Достоевскому или Л.Н. Толстому) встать на один уровень с величайшими философами. К философской прозе следует отнести также и произведения, в которых автор целенаправленно применяет те или иные философские концепции для художественного постижения мира, творчески используя понятийно-терминологический аппарат или специфическую методологию, что позволяет доказательно определить мировоззренческую близость данно-

го автора к позиции конкретного мыслителя, к тому или иному философскому учению, школе, направлению.

Актуальность исследования философско-мировоззренческой специфики творчества Пришвина состоит еще и в том, что оно позволяет не только учесть все богатство культурно-идеологических влияний на писателя, но и привести в единую систему различные аспекты его сложного литературного творчества, для которого характерны сквозные мифологемы, религиозные образы и символы, вечные проблемы жизни и смерти, переплетение философских и научных концептов. Многообразие аспектов пришевского наследия обязывает тщательно сопоставлять тексты с его Дневником, отражающим и поясняющим как социокультурный контекст описываемых событий, так и философский, политико-идеологический и нравственный подтекст поступков и мыслей художественных героев. Ведь ценность результатов научного анализа творчества писателя прямо пропорциональна степени погруженности в историко-культурный контекст эпохи, которая определяет характерные смыслы и значения событий, действий и замыслов персонажей в его художественных произведениях. В этом исследовательском поле, правда, пока преобладают традиции филологического и литературоведческого анализа. По мере переиздания и выхода в свет задержанных из-за цензуры художественных произведений и особенно многотомного Дневника становится все более ясно, что перед нами не только талантливый писатель, но и оригинальный мыслитель с собственным философским взглядом на мир и человека, художник, творчество которого предполагает философско-культурологическое исследование.

Общеизвестно, что само развитие философской мысли в России XIX – начала XX веков происходило преимущественно в рамках литературы. Эта традиция продолжилась уже по иным причинам и в советский период, правда, развиваясь преимущественно в форме «отложенной» или «потаенной» литературы, которая выражалась эзоповым языком. В частности, это относится к использованию в искусстве философских идей таких мыслителей, как Ф. Ницше, А. Бергсон, З. Фрейд, Д.С. Мережковский, В.В. Розанов и всех тех деятелей мировой и отечественной культуры, творчество которых в советский период подвергалось цензурным запретам.

Без преувеличения можно сказать, что Пришвин – один из тех немногих писателей,

которые сохранили достоинство классической русской литературы, ибо в его творчестве продолжала существовать самостоятельная философская мысль, смело отражавшая социальные противоречия и трагизм послереволюционного бытия народа. В эпоху тоталитарного политического режима, когда под запретом были все точки зрения, кроме ортодоксально-марксистской, когда в сознании советской интеллигенции все более укреплялась трепещущая угодливость, Пришвин не только в Дневнике, но и в ряде художественных произведений пытался дать нелицеприятную для власти философско-мировоззренческую оценку действительности. Не случайно под запрет цензуры попали почти две трети его творческого наследия: прежде всего 20-томный Дневник, по словам писателя, «та книга, для которой родился Михаил Пришвин», значительная часть публицистики дореволюционных и первых послеоктябрьских лет, а также художественные произведения «Мирская чаша», «Цвет и крест», «Мы с тобой. Дневник любви».

Хотя Пришвин не написал ни одного чисто философского трактата, его Дневник и художественные произведения насыщены размышлениями над подлинно философскими вопросами – это темы историософии, антропологии, этики и эстетики, влияния религии на политические и идейные течения революционной эпохи, экологическая проблематика советского мироустройства. Во всех этих сферах необычайно концентрация пришвинской мысли, поразительны обилие и глубина идей, свидетельствующих о гармоничном сочетании несомненного дара философского взгляда на мир, художественного таланта и темперамента публициста. При этом удивительной особенностью биографии писателя было тесное переплетение его творческого пути с эпохальными и переломными событиями русской истории, с судьбой народа, с деятельностью целого ряда выдающихся представителей отечественной культуры, науки и политики.

В Дневнике и прозе Пришвин философски и художественно осмысляет разнообразные типы столкновения мира и человека, показывая, как «я – маленький» становится личностью. Поэтому закономерно, что тема борьбы человека за свою личность присутствует в большинстве произведений писателя. Все пришвинское творчество, будь то публицистика, художественные произведения или эпистолярное наследие, являет собой образец литературы, размышляющей о метафизической участи человека в мире, связанной с онтологическими реалиями его бы-

тия. По сути, вся жизнь художника была посвящена теме обоснования ценности личности, ее права на достойное бытие и в то же время долга перед общим делом людей.

Весь спектр насущных проблем своего времени Пришвин рассматривает в широком контексте отечественной и европейской культурной традиции, включая в диалог самых разных мыслителей, зачастую занимающих противоположные идейные позиции. При этом особое внимание он уделяет библейским притчам, образам и символам, использование которых позволяет ему сопоставить сиюминутные проблемы художественного бытия своих героев с вечными истинами человеческого бытия.

Характерным признаком философичности творчества писателя является антиномизм и полифонизм его мышления, когда положительные построения его мысли почти всегда сопровождаются если не решительным отрицанием, то попыткой взгляда с других сторон. Для этого он часто прибегает к приему сопоставления разнообразных, порой противоречащих друг другу концептуальных идей, понятий и символов. Такой диалектический анализ противоборствующих начал, через столкновение которых раскрывается истинная сущность общественных явлений, проявляется у Пришвина прежде всего при художественном показе своего мировоззренческого пути от традиции семейного старообрядчества к «утрате родного Бога, на место которого последовательно становятся на испытание все господствующие учения века» [3, 301].

Как известно, истинный талант писателя проявляется не столько в художественном изображении действительности, сколько в умении дать ответ на труднейшие вопросы бытия, показать индивиду и обществу выход из исторического тупика, подсказать метод решения социальных проблем. Таким выходом и методом, спасающим человека и общество, для Пришвина выступает одухотворяющая сила «любви различающей», которая придает личности божественную способность даже неодушевленным предметам давать свое имя, тем самым выводя их из небытия. Художественные и философские прозрения позволяют писателю включиться в тот исторический диалог, который веками и тысячелетиями ведется в христианской культуре о божественности силы слова и связанной с ней философией имени.

С концепцией антропологизма прямо связан этический персонализм. Всем своим творчест-

вом Пришвин утверждает философский тезис об исторической бесперспективности идеологии насилия над человеком и, следуя принципам этического персонализма, провозглашает нравственную позитивность своего миропонимания. «Вообще моя натура, как я постиг это: не отрицать, а утверждать» [4, 116], – так еще в 1914 году обозначил свое жизненное кредо писатель. В противовес господствующей в советскую эпоху марксистской парадигме классового подхода ко всем явлениям общественной жизни и апологетике диктатуры пролетариата как идейно-политического насилия одной социальной группы над всем обществом, Пришвин считает любовь человека ко всем людям не только онтологическим условием бытия личности, но и необходимым условием творчества. Переосмысляя известное изречение Р. Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую», Пришвин формулирует свое определение человеческого бытия: «Я люблю – значит, я существую» [5, 190], дополняя его императивным требованием нравственности к человеку-творцу. «Мастерству в искусстве надо учиться лишь как не самому главному, а самое главное, секрет, как в нравственности, заключается в каком-то поведении (вероятно, личном)» [5, 156], поэтому, заявляет писатель, «моя поэзия есть акт дружбы с человеком, и отсюда мое поведение: пишу – значит люблю» [5, 105].

Основой эстетического концепта «искусство как образ поведения» для Пришвина выступает утверждение вечных принципов общечеловеческой морали, хотя он отдает себе отчет, что в условиях господства большевистской идеологии это потребует «очень больших затрат, если не жертв», но тем не менее не сомневается в правильности своего выбора: «Это «дело» можно назвать делом жизни, потому что оно есть путь к свободе» [5, 250]. Данный мировоззренческий постулат художника – ярчайшее выражение позиции этического персонализма, провозгласившего свободу высшим достоянием личности и условием творчества.

О приверженности этическому персонализму свидетельствует также принципиальный отказ писателя от нищенской и большевистской позиции признания ценности лишь за сверхчеловеком или идейно стойким революционером марксистом-ленинцем. Для Пришвина высшая ценность онтологически присуща любому, даже самому «маленькому человеку», и в этом проявляется его безусловная причастность к гуманистической традиции классической русской

литературы, традиции А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова. О повседневной жизни «маленького человека» своего времени писатель постоянно говорит и в Дневнике, и в художественных, и в публицистических произведениях. «Как подумаешь иногда, усталый, каких маленьких людей собираюсь я описывать, – оторопь берет: зачем, кому это нужно, и бросишь, – от мечает в 1922 году Пришвин. – А потом соберешься... <...> ...и думаешь: а вот нет же, не дам я тебе от нас исчезнуть. Живи, любимый человек, живи!» [6, 238]. Поэтому свое самоутверждение и спасение как писателя Пришвин видит в служении всем людям, а не какому-либо классу.

В сущности, все герои пришвинских произведений – это самые обычные и бесхитростные люди, ищущие простого человеческого счастья, на пути к обретению которого стоят как враждебные отдельному индивиду стихии природы, так и намного более грозные силы общества. При этом оказывается, что государство и тот самый «маленький человек», во имя которого призвана действовать власть и во имя которого свершаются революции, находятся на разных полюсах жизни. Писатель стремится понять логику обеих сторон, объединить антропологический взгляд с историософским анализом, художественно показать бытие своих героев – обывателя, маленького человека, индивидуальную личность, из которых и складывается народ, перед лицом власти и неумолимым ходом истории.

Присущий писателю антиномизм и в то же время полифонизм художественного мышления приводит его к тем историософским оценкам действительности, которые, заведомо не совпадая с установками какой-либо одной партийно-классовой идеологии, не будут приняты ни «левыми» или «правыми», ни «красными» или «белыми».

В заключение следует отметить: своеобразие Пришвина как художника и мыслителя заключается не только в том, что в его произведениях воссоздаются жизненные реалии и сама атмосфера тех эпохальных разломов, свидетелем и участником которых ему довелось быть, особенность еще и в том, что трудно найти в истории русской и советской литературы творца, искусство которого было бы в такой же степени насыщено историческими деталями, культурологическими фактами, идейно-политическими и нравственными оценками, художественными сюжетами и эстетическими новациями,

философическими спорами и постановкой общественно значимых проблем. При всей несомненности того факта, что Пришвин мыслит как художник, выражая свое понимание мира в образах искусства, за бытием его персонажей и героев зачастую скрываются «метафизические» смыслы, повествование его многопланово и зачастую насыщено множеством философских концептов, раскрытие содержания которых воз-

можно лишь с позиций соответствующих культурных кодов-контекстов. Поэтому философско-культурологический и герменевтический анализ оказывается необходимой методологией для понимания творчества Пришвина, являющего пример той «литературы», в которой живет и в соответствии с требованиями времени преобразуется интеллектуальное достояние всей мировой культуры.

Литература

- 1 Иванов-Разумник Р.В. Великий Пан. // Иванов-Разумник Р.В. Соч. – Т. 2. Творчество и критика. – СПб.: Книгоиздательство «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913. – С. 42–70.
- 2 Хмельницкая Т.Ю. Творчество Михаила Пришвина. – Л.: Советский писатель, 1959. – 284с.
- 3 Подоксенов А.М. М. Пришвин о роли идей М. Штирнера и марксизма в понимании большевистской коммуны // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. 9. – С. 375–384.
- 4 Пришвин М.М. Глаза земли // Пришвин М.М. Собр. соч.: В 8 т. – Т. 7. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 86-458.
- 5 Пришвин М.М. Ранний дневник. 1905–1913. – СПб.: Росток, 2007. – 800 с.
- 6 Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. – М.: Русская книга, 2003. – 592 с.

References

- 1 Ivanov-Razumnik R.V. Velikij Pan. // Ivanov-Razumnik R.V. Soch. – T. 2. Tvorchestvo i kritika. – SPb.: Knigoizdatel'stvo «Prometej» N.N. Mihajlova, 1913. – S. 42–70.
- 2 Hmel'nickaya T.YU. Tvorchestvo Mihaila Prishvina. – L.: Sovetskij pisatel', 1959. – 284s.
- 3 Podoksenov A.M. M. Prishvin o roli idej M. SHtirnera i marksizma v ponimanii bol'shevistskoj kommuny // Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo. – 2007. – T. 9. – S. 375–384.
- 4 Prishvin M.M. Glaza zemli // Prishvin M.M. Sobr. soch.: V 8 t. – T. 7. – M.: Hudozhestvennaya literatura, 1984. – S. 86-458.
- 5 Prishvin M.M. Rannij dnevnik. 1905–1913. – SPb.: Rostok, 2007. – 800 s.
- 6 Prishvin M.M. Dnevniki. 1926–1927. – M.: Russkaya kniga, 2003. – 592 s.